

АНТОНИНА ГЛАЗУНОВА

ДЕТИ

ШАХРАЗАДЫ

Антонина Глазунова

Дети Шахразады

«Остеон-Групп»

Глазунова А.

Дети Шахразады / А. Глазунова — «Остеон-Групп» ,

Русская врач-генетик, служащий израильского банка, юная бедуинка и профессор-лингвист из американского университета, что может быть общего между ними, живущими разной жизнью и говорящими на разных языках? Только в сказках «Тысячи и одной ночи» может случиться так, что скромный клерк превращается во всемогущего Гаруна аль-Рашида, доктор – в загадочную богиню Изиду, профессор-языковед разгадывает тайну абассидского перстня, а закутанная до глаз бедуинка становится страстной и отважной любовницей. Сказка для взрослых, повествующая о реальном мире наших дней куда романтичнее и запутаннее, чем древние сказания. Колдовство любви магически преображает людей и открывает в них невиданные доселе возможности. Великая сказительница Шахразада и вообразить не могла, какие жгучие страсти, необыкновенные приключения и удивительные переплетения судьбы будут повелевать ее прямыми потомками...

Содержание

Глава 1. Сказка первая. О том, как милосердный и всемогущий халиф Гарун аль-Рашид работал в израильском банке	5
Глава 2. Сказка вторая. О том, как красивейший и блистательный Омар Шериф был пленен бедуинской девушкой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антонина Глазунова

Дети Шахразады

Глава 1. Сказка первая. О том, как милосердный и всемогущий халиф Гарун аль-Рашид работал в израильском банке

Тяжелая стальная дверь стремительно распахнулась, и доктор Мириам Ашкенази чудом успела отскочить, чтобы не получить смертельный удар в лоб. Вертящийся черный волчок, похожий на небольшого джинна, только что выпущенного из бутылки, стремительно ворвался в генетическую лабораторию медицинского центра и тут же затараторил, испуская огромное количество бьющей через край энергии:

– Ой, он все знает! Он предсказывает будущее! Он всем говорит правду! И такой прехорошенький! И все правильно! Все! Он знает нас всех! Все про всех!

– погоди! Кто? Что? – Длинная и худая как палка, суровая доктор Ашкенази сумела схватить смерч и с риском для жизни остановить его. В ее железных негнущихся руках оказалась крохотная секретарша, вся трясущаяся от возбуждения. Доктор Ашкенази схватила ее за плечи и развернула к себе лицом. – Остановись и разъясни все толком. Или я дам тебе успокоительного!

В просторный коридор лаборатории уже стали выглядывать заинтригованные сотрудники, и проемы дверей обросли головами на длинных шеях – прямо стая Змеев Горынычей.

– Ну что же вы, ничего не знаете? Доктор Мириам! Все уже знают! Все сестры! Мне позвонила Рахиль с детского, а ей – Натали с ортопедии, а той...

– Что случилось?

– Ой, доктор!.. На хирургию ночью положили больного с аппендицитом и прооперировали его. А утром он проснулся и давай по руке гадать! Всем! Бесплатно! И все правильно! У него уже все перебивали – и сестры, и нянечки, и больные! – Черные глаза девушки восторженно блестели, персиковые щеки разрумянились, золотые сережки прыгали в ушах. – Вы ведь на хирургию идете, правда? Вот и посмотрите сами! Ой, доктор!.. – И пухленькая секретарша пылающей кометой понеслась по коридору, оставляя за собой хвост сногсшибательной информации.

Доктор Мириам поглядела ей вслед, скептически подняла одну рыжую бровь, недоуменно пожала прямыми худыми плечами и продолжила свой скорбный путь по чужим отделениям. Генетическая лаборатория занималась особо тяжелыми и непонятными случаями, как правило, неизлечимыми, и поэтому результатов такого обследования ждали, затаив дыхание, и больные, и их родственники, и лечащие врачи. Хорошие, обнадеживающие результаты просто отправляли с санитаром или по внутрибольничной почте, а сомнительные или плохие, как правило, относили сами специалисты, чтобы, еще раз переговорив с лечащими врачами, убедиться в несомненной правильности роковых ответов. Не дай бог ошибиться!

Сегодня была очередь Мириам взять на себя сей горький труд.

Доктор Ашкенази, строгая и худая, шла по узкой асфальтированной дорожке, выющейся между зелеными подстриженными газончиками, в сторону клинических корпусов. В узких длинных руках она держала бланки анализов с плохими вестями и сама себе напоминала Смерть с косой. Коса, впрочем, была богатая – пышные, рыжие с медным отливом роскошные кудри вились до середины спины, и, казалось, солнце входит в комнату, когда туда заглядывала

голова доктора Мириам Ашкенази – Машки-жерди, как ее по старой памяти называли питерские ребята-медики.

Восьмое чудо света, столь подробно описанное медсестринскими байками, она увидела в коридоре хирургического отделения, сразу же за входной дверью. Больница была переполнена, и легких больных клали в коридор – вместе с тумбочками и стойками с капельницами, отгораживая страдальцев матерчатыми ширмами, которые образовывали подобие комнатки и видимость покоя.

Недалеко от входа в отделение, вокруг такой вот импровизированной палаты крутился водоворот разнообразных молоденьких девушек, причем все они были чрезвычайно оживлены, более-менее сконфужены и тихонько хихикали, пытаясь скрыть смущение и восторг. Возбужденно переговариваясь, они нетерпеливо ожидали своей очереди на прием к прославленному Мэтру.

Путь доктора проходил мимо этого импровизированного оракула, и она не удержалась и мельком заглянула за ширмы. Идиллическая картина заставила бы улыбнуться любого, даже менее скептически настроенного зрителя.

На белоснежных простынях в небрежной позе великого халифа Гаруна аль-Рашида возлежал смуглый черноволосый молодой человек приятной наружности. Одной рукой он удерживал маленькую раскрытую ладошку доверчивой медсестры, а другой нежно поглаживал линии жизни, ума и сердца. С торжественной серьезностью он объяснял что-то трепещущей от волнения девушке, и та склонялась все ближе и ближе к симпатичному прорицателю. Мэтр не торопился, он вдумчиво и обстоятельно разглядывал податливую ладонь, уточнял какие-то детали, гладил тонкие пальчики, расспрашивал девушку о чем-то сокровенном и относился с чрезвычайной серьезностью к своему ответственному делу. Девушка платила ему полным доверием, и, несомненно, оба получали величайшее удовольствие от интимной беседы.

Вот уж действительно – Восток! – подивилась бывшая пионерка. Безоглядно верят любому прорицателю и проходимцу! Все эти девчонки – с аттестатом зрелости, многие – с высшим образованием, а ведут себя, как в Средние века... Маги, шайтаны, джинны... И ведь верят от всей души, и счастливы, и идут к нему косяком!..

Она вспомнила толпу цыганок, оккупировавших Александровский сад в Питере в пору ее незапамятного детства, и панический ужас и презрение, с каким матери уводили своих детей подальше от колышущихся пестрых юбок. А тут – поклонение и полное доверие оракулу. Восток...

Хотя тут, скорее, – необычное сочетание клуба знакомств и исповедальни...

Доктор Мириам оценила находчивость молодого человека, избравшего столь неординарный способ знакомства с девушками и времяпрепровождения в скучной больнице, и прошла дальше – в ординаторскую.

Она поговорила с врачами о продолжении обследования тяжелых больных, проконсультировалась с заведующим отделением, и возвращалась обратно уже во время тихого часа. Пусто было в коридоре, тихо в спящих палатах, никто не толпился вокруг оракула, и доктор опять заглянула за белую ширму.

Молодой человек не спал. Он спокойно лежал на высоких подушках, глядя в больничный потолок, и чему-то безмятежно улыбался – видно, мысли его были приятными. Он услышал легкое шуршание ширмы и, неторопливо повернув голову, встретился взглядом с рыжей красоткой в белом халате.

Что-то необычное мелькнуло во взгляде карих спокойных глаз, что-то такое особенное, что усталая, задерганная работой доктор против воли на секунду замедлила шаг и чуть улыбнулась уголками губ – просто из вежливости. Молодой человек взглянул на нее, помедлил и вдруг улыбнулся такой лучезарной, обезоруживающей доброй улыбкой, что Машка произ-

вольно наклонила голову в ответ. Тот улыбнулся еще шире и протянул к ней длинную смуглую руку – мол, давай погадаю.

Негоже взрослому врачу, как наивной девчонке, заниматься глупостями, да еще на глазах у всех, да еще в рабочее время! – сердясь сама на себя, подумала суровая доктор, но первородное женское любопытство пересилило глупый апломб. Она секунду помедлила и украдкой оглянулась по сторонам – не видит ли кто? Потом быстренько скользнула за ширмы и присела на краешек стула рядом с его кроватью. Это же на секунду, и, кроме этого, может, она пришла обследовать больного. Почему нет?! Он тут же, ни слова не говоря, взял ее руку, развернул ладонью вверх, разгладил и погрузился в изучение переплетающихся линий. Доктор между тем разглядывала прорицателя.

Он был не так уж юн – примерно одних с ней лет, под тридцать. Смуглое, худощавое, слегка вытянутое лицо было приятно, а высокий, уже лысеющий лоб и короткий прямой нос придавали ему сходство с античными бюстами. Белые драпировки больничной рубашки и простыни подчеркивали это сходство и оттеняли смуглую кожу. Длинные тонкие пальцы были теплыми, а их прикосновение – спокойным и уверенным, без тени заигрывания. Карие глаза казались светлыми и смотрели спокойно и вдумчиво, совершенно серьезно. Ни намека на развязность или пошлый интим.

Машка опустилась на краешек стула с намерением тут же вскочить и помчаться по неотложным делам, но, усевшись, почувствовала покой и желание расслабиться и немножко отдохнуть, подумать. Парень был явно североафриканского происхождения – черные выющиеся волосы, смуглая кожа, карие, чуть продолговатые глаза над выступающими резкими скулами, и веяло от него неторопливостью верблюда, бредущего по караванным путям, и умиротворяющим спокойствием прохладного оазиса – блаженной передышке на утомительном пути жизни.

Он медленно и тщательно рассматривал узкую белую ладонь, поворачивая ее под разными углами к свету, изредка приближал к глазам, всматриваясь в переплетение линий, изредка разглаживал смуглым пальцем мешающую ему складку кожи. Неожиданно благодушное спокойствие, освещавшее сухое лицо тихим пасторальным светом, сменилось некоторым изумлением и беспокойством:

– У вас скоро будут значительные денежные проблемы, – с удивлением промолвил прорицатель, подняв карие глаза на расслабившегося было доктора.

– Денежные проблемы? Ну уж этого никак не может быть! – категорически заявила молодая женщина, рассердилась на свою детскую доверчивость и попыталась выдернуть руку у коварного обманщика.

– Да, – охотно согласился он, не отпуская руки, – меня это тоже удивляет. Это не в вашем характере. Но это так. Проверьте счет в банке и будьте осторожны.

– Осторожна? В каком смысле? – Строптивая доктор заинтересовалась, но не настолько, чтобы верить африканскому проходимцу, пусть даже с античным профилем.

– В ваших отношениях с близкими людьми. – Он помолчал, еще раз повертел руку, рассматривая ладонь под разными углами. – Знаете, может быть, из-за них и будет денежная проблема.

– Честно говоря, вы меня не обрадовали. Я ожидала от вас другого, – несколько обиженно вымолвила доктор и решительно освободила руку.

Она действительно была разочарована – ясно же, что смешливым девчонкам он вешал любовную лапшу на уши, а она что, такая старуха, что амурная романтика ей уже не подходит? Вместо эротики – денежные проблемы, вместо нежного шепота на ушко – ссора с хахалем? Спасибо большое!

Молодой человек внимательно посмотрел на по-детски обиженное лицо и надутые губки. Он мудро, по-восточному улыбнулся чуть приподнятыми уголками темных губ:

– Каждый ожидает от гадания то, что хочет услышать. Но не всегда получает это. Я сказал вам то, что сейчас важно для вас. – Он вдруг солнечно улыбнулся, блеснули белоснежные зубы на смуглом лице. – Не расстраивайтесь. Когда вам будет нужно что-то другое, я скажу вам. Но только тогда, когда это будет нужно, не раньше.

– Вы хотите сказать, что погадаете мне еще? – Строптивая Машка-жердь выпрямилась на колченогом больничном стуле. – Что я к вам приду еще?!

– Конечно! – Он смотрел ей прямо в глаза строго и серьезно. – Мы еще увидимся. Это тоже написано у вас на ладони!

– Хм! – Доктор решительно встала со стула. – Будьте здоровы!

Она вышла, гордо подняв рыжую голову, и не видела лукавого взгляда молодого человека, знающего будущее.

Еще чего! Нахал бесстыжий! Бабник! Казанова! И не мечтай, что я буду искать встречи с тобой! – Она быстро шла по коридору, прямая и высокая, кипя от негодования. Белый халат ее развевался, как паруса боевого фрегата.

Очаровательная кошка, которая ищет развлечений! – усмехнулся про себя оракул-бабник, вспоминая возмущенные зеленые глаза под рыжими, изломанными, как крыша домика, бровями. Какая страстная и энергичная!..

И, откинувшись на подушки, он опять отдался сладким думам, прерванным приходом молодой искательницы приключений.

* * *

– Господи, Машка, ты людей не видишь! – воскликнула доктор Ольга, когда мчащаяся на всех парусах доктор Мириам чуть было не толкнула ее. Проглядеть доктора Ольгу было не просто – ее мощную квадратную фигуру замечали и огибали издалека. – Что случилось? Кто за тобой гонится?

Маша остановилась и открыла было рот, чтобы рассказать подруге про больного-прорицателя, но устыдилась того, что поверила ему.

– Ерунда, – отмахнулась она от своих мыслей, – так, бегу по делам. Как у тебя? Придете к нам в субботу? Посидим дома? Или ты хочешь в лес за грибами?

– За грибами? Это хорошо... Хотя... Твой Андрей, конечно, опять будет дрыхнуть как убитый! Слушай, чем он занимается каждую ночь на субботу?.. А? – Насмешливая толстая доктор отличалась весьма бойким язычком, и Машка ее немного побаивалась. – Празднуете шабат, как велит Закон? «Плодитесь и размножайтесь»? Похвально!..

Машка потупилась и поджала губы. Эти ночные одинокие выезды Андрея в Тель-Авив уже давно не давали ей покоя, но она была гордой кошкой, которая гуляет сама по себе, и не требовала от своего друга отчета в его действиях, точно так же, как сама не потерпела бы контроля с его стороны. Обычно он вяло объяснял, что едет к приятелям, но никогда не брал ее с собой и не приглашал друзей погостить в Беер-Шеве. Странные еженедельные выезды, от которых его невозможно было отговорить. Сволочь!.. А ведь каких-нибудь полгода назад все было совсем не так!.. Ну и пусть! Даже если он ездит к девкам – пусть! Хочет кутить – его дело, насильно мил не будешь.

– Он говорит, что развлекается с ребятами в барах. Пускай, – она демонстративно пожала прямыми плечами и по-королевски вздернула нос, – его дело! У него ночных дежурств нет, может себе позволить расслабиться!

– Думаешь – баба?.. – Всеведущая подруга по-бабьи поджала губы. – А ты знаешь, дорогуша, что его частенько видят в автобусе из Иерихонского казино? А? Уж не играет ли он там в рулетку?

– Если и играет, то на свои, – вызываясь усмехнулась Машка, бравадой стараясь скрыть беспокойство, внезапно уколотившее ее изнутри. – Меня это не касается. У нас разные счета!

– Что ж, – философски откликнулась внушительная доктор, – как хочешь, тебе с ним жить. Мое дело – предупредить. Так значит, за грибами поедem? А они уже пошли?

– Февраль, – констатировала Мириам, знаток леса, – давно пора. Дожди уже были, да и тепло, значит, должны быть и грибы. Ну пока, меня, наверное, уже с собаками ищут!..

* * *

Она не пошла в отделение. Слегка потоптавшись на месте и удостоверившись, что мощная фигура удаляется в противоположном направлении и не смотрит ей вслед, она свернула к маленькой стеклянной будке, находящейся в вестибюле больницы. Там стоял банковский автомат для выдачи денег, и, кроме денег, из автомата можно было вытащить информацию о своем денежном счете. Счет, естественно, был в порядке, и доктор, сердясь на себя за легковёрность, вернулась на свое рабочее место. Там уже, действительно, ждали неотложные дела.

А еще через месяц ей позвонила банковская служащая и предупредила, что ее счет превысил допустимый кредит. «Пожалуйста, – с вежливостью автомата выговаривала пластиковая телефонная трубка, – зайдите в ближайшее отделение банка и выясните, что у вас творится на счету. При таком положении дел мы не сможем продлить вашу ссуду и оплачивать чеки».

Вы знаете, как внезапно зеленеет в глазах и Земля начинает поворачиваться не в ту сторону? Знаете? Именно это испытала бедная Машка.

* * *

Ближайшее отделение банка располагалось через дорогу – на территории Университетского комплекса. Не помня себя от ужаса, несчастная доктор опрометью бросилась в солидные тонированные двери, и первый, кого она увидела за стеклянной перегородкой, был черноволосый молодой человек приятной наружности. Он сосредоточенно работал на компьютере и выглядел современно и по-деловому, совсем не как сказочный Гарун-аль-Рашид. Зеленоватая стеклянная перегородка отделяла его от внешнего мира, и он казался аквариумной рыбкой, неторопливо шевелящей плавниками в прохладной глубине. Аквариумной рыбкой, зависшей перед компьютером.

Машка закоченела, впившись взглядом в виновника своих несчастий. Вот он! Напророчил! Накаркал! Сказал – и на тебе! Никогда раньше у нее не было проблем с банком! Ничего себе, прорицатель! Жулик! И бабник в придачу! А может – шпион? Откуда он узнал, что у нее будут проблемы? И еще сказал – проверить счет! Издевался, гад! Мошенник! Банковский бандит! В тюрьму его!..

Банковский прорицатель почувствовал на себе безумный взгляд, беспокойно заворочался, поднял голову и увидел источник взгляда – рыжую высокую молодую женщину, показавшуюся ему чем-то знакомой. Секунду он мучительно соображал, где мог ее видеть, потом, широко улыбнувшись, протянул руку – совсем как в больнице, словно вновь приглашал погадать. Машка, кипя от негодования, нырнула в аквариум и нервно присела на кончик стула – точно так же, как месяц назад за ширмами, и так же подозрительно уставилась на него.

– Добрый день, доктор! Что? Появились денежные проблемы? – Прорицатель с довольным видом отвалился от компьютера и с хрустом расправил широкие плечи. – Я же предупреждал – будьте осторожны!

– Это не мои проблемы, – мгновенно окрысилась Машка. – Я вообще не понимаю, что происходит. Мои расходы обычные, они не могут превысить разрешенный кредит. Это у вас в банке что-то не в порядке!

– Вот как? – искренне удивился молодой человек, подтянулся и, по-деловому прищурившись, привычно забарабанил по клавиатуре компьютера. На Машку он больше не глядел, весь подавшись вперед – к монитору. – Очень может быть! Что ж, давайте посмотрим, что у нас не в порядке! Номер счета, пожалуйста...

Ошалев от такой неожиданной деловой прыти, несовместимой с образом волшебного халифа, Машка, запинаясь, пробормотала длинный ряд цифр.

– И удостоверение личности...

Она дрожащей рукой достала из сумки пластиковый синий квадратик.

Прорицатель, мгновенно преобразившийся в капиталистическую акулу, одним взглядом поочередно окинул фамилию-фотографию-лицо, замершее перед ним, и опять погрузился в недра плоского монитора. Машка, между тем, оглядела большой рабочий стол с аккуратной стопкой разноцветных документов и небольшой элегантной пластинкой с надписью:

«Давид Нир, консультант по вопросам частного бизнеса».

Черт возьми! Интересно, как он сочетает умение гадать по руке с консультацией по ведению личного дела? Или гадание – это часть его личного частного бизнеса, на котором он отрабатывает свои методики, используемые для дальнейших консультаций?

Консультант Нир еще пару раз стукнул по клавишам и, отвалившись от экрана, застыл в созерцательной позе.

– Так, – очень довольный, проговорил он.

И тут за перегородку впорхнула девушка-служанка.

– Дуду, давай печать! – Кокетливо улыбаясь, она склонилась над широким плечом, почти задевая его высокой грудью. Намеренно, конечно.

– Зачем тебе?

Она молча сунула какую-то бумагу. Хранитель печати скосил на нее глаза, и Машке почему-то почудилось, что глаза были направлены не на документ, а в глубокий вырез кокетливой кофточки. Стук выдвигаемого ящика, оттиск печати, «Мерси!», и опять – созерцание плоского экрана.

– Так!.. Смотрите! 26 февраля на ваш счет поступил чек на предъявителя на пять тысяч шекелей. За две недели до этого – ого! – пятнадцать тысяч триста пятьдесят шекелей! Второго февраля – три тысячи пятьсот двадцать шекелей. Тоже чек на предъявителя. – Он строго посмотрел на резко побледневшее лицо, обсыпанное проступившими рыжими веснушками. – Что вы на это скажете?

– Я не выдавала чеков... – Голос был едва слышен. Куда девалась задиристость рыжей независимой кошки?

– Позвольте взглянуть на вашу чековую книжку.

– Она у меня дома. Я не ношу ее с собой. Я расплачиваюсь «Визой».

– Хорошо. Это ваши чеки? Номера чеков вы, конечно, не помните. Давайте проверим их номера... – Он снова застучал по клавиатуре, и тихие щелчки клавиш отдавались в бедной Машкиной голове грохотом барабанов перед смертной казнью.

Чеки на предъявителя. Их нельзя ни отменить, ни уничтожить. Такие суммы ей в жизни не выплатить! О боже!.. Откуда такая напасть?

– Чеки ваши. Вы их не потеряли? – Слабое движение рыжей головой. – Нет? Кто из домашних имеет доступ к чековой книжке?

– Никто.

Опять за перегородку порхнула девушка – еще более молоденькая и хорошенькая. «Дуду, дай печать!» Опять быстрый взгляд на документ и грохот Большой королевской печати.

О господи! Вот так же будут описывать мое имущество! За неуплату долгов! Что делать? Откуда, черт возьми, эти чеки?!

– Госпожа Ашкенази! – Взгляд карих глаз суров, как у прокурора. Куда девалась его лучезарная улыбка консультанта? – Чеки выписаны на крупные суммы, значит, они прошли банковскую проверку прежде, чем поступили к оплате. Проверяется подлинность чеков и подписи. Кто-нибудь, кроме вас, имеет право подписи ваших чеков?

– Нет. – Господи, только бы не расплакаться!

– Я вижу, что ваш счет записан только на ваше имя. Вы никому не давали доверенности распоряжаться вашим счетом?

– Нет. – Боже, где платок?

– Вы уверены?

Еле заметный кивок. Так, говорить уже не может, и сморкается. Надо бы приготовить стакан воды. Только истерики мне здесь не хватало! Жалко. Бедная девочка. Кто-то ее надует. И по-крупному.

– Тогда я не понимаю... – Прокурор откинулся в кресле и посмотрел на подсудимую загадочным немигающим взглядом анаконды. – Этого не может быть. Подумайте. Вы уверены, что чековая книжка дома? Когда вы ее видели последний раз?

– Не помню... Я давно ею не пользовалась...

– Вы живете одна? Простите, кто-нибудь может взять чеки без вашего ведома? – Как тактично он сказал «украсть». Не живете ли вы с вором, дорогая доктор Мириам?

Бедная Машка только вздохнула. Давид поглядел на поникшую рыжую голову, на бледное лицо, занавешенное роскошными кудрями, на поникшие худые плечи, обсыпанные золотыми веснушками... Подумал, вздохнул и опять забарабанил по клавишам.

– Я закажу повторную проверку этих чеков, – сквозь зубы процедил консультант, продолжая что-то рассматривать, печатать и выискивать в компьютерном нутре, – а вы дома удостоверьтесь, цела ли чековая книжка и не выдраны ли из нее страницы, из середины или сзади, где не видно... – Опять барабанный треск клавиш.

Господи, помоги!..

– Ну вот! – тоном обманутого в лучших чувствах неожиданно вскричал он. – Что же вы! Три года назад вы выдали доверенность в ведении дел на имя «Андрей Пра... Пре...» – Он замялся, пытаясь прочесть непроницаемую на иврите фамилию.

– Преображенский, – оживилась Машка, шмыгая красным носом.

– Точно... – Банковская акула взгляделась в буквы. – Именно так! Подпись на чеках тоже его! Что, забыли? Вы с ним знакомы?

– Еще бы! – Машка вдруг покраснела так, что рыжих веснушек не стало видно. – Мы вместе живем... То есть, я хочу сказать, в одной квартире...

– Ага! – Акула вновь стала умиротворенным всезнающим Гарун аль-Рашидом. Все встало на свои места. Конечно, дура-девчонка выдала дружку доверенность и забыла. А парень этим нагло пользуется. – Ну вот и разгадка ваших неожиданных расходов. Деньги спрашивайте с него!

– С него?.. – прошелестело в ответ. – Как же я с него возьму?..

– Зачем вы выдали ему доверенность?

– Мы тогда вместе покупали мебель и разное барахло... Я много дежурила, и мне некогда было бегать по магазинам, оформлять кредиты и разные бумажки. Вот я и дала.

– Понятно! Мудрый поступок! А теперь она вам не нужна? Можно ее отменить? Вы позволите мне отменить ее прямо сейчас?

– О! Да! Конечно! Спасибо вам большое, – обрадовалась Машка, чувствуя, что неотвратимая гильотина чудом задержала свое падение. – Это можно сделать?

– Ну конечно! – Великодушный и милосердный Халиф уже стучал по клавишам. Из стоявшего рядом принтера выполз официальный бланк. – Распишитесь здесь и здесь... – Он клю-

нул ручкой в длинный прочерк, и Машка, не помня себя от радости, подмахнула документ. Опять грохнула Большая королевская печать.

Да он просто сказочный султан, спасающих подданных от неминуемой гибели!

– Ну вот, полдела сделали. Что теперь? Как быть с чеками?

– А их можно как-нибудь того?.. – Заискивающая улыбка и мелкое подобострастное влияние хвоста.

– Как-нибудь того?.. Того-этого?.. – Консультант резко откинулся в глубоком качающемся кресле так, что чуть не перевернулся. – Ну, прежде всего проверим, нет ли там каких-нибудь зацепок, по которым их можно аннулировать. Во-вторых, может ли ваш... э... друг сам оплатить эти долги? Вы не интересовались его платежеспособностью?

– Вообще-то нет, не интересовалась... Хотя... Я думаю, что если он расплатился моими чеками, то с деньгами у него не так чтобы очень...

Консультант строго поглядел на нее:

– Отнюдь. Известно много случаев, когда люди пользуются чужими деньгами именно для того, чтобы сберечь свои. И именно так наживают миллионы. – Он внушительно поглядел в зеленые леденцовые глаза и неожиданно для себя подумал, что сочетание нежной белой кожи, медных кудрей и изумрудных глаз – удивительно красивое сочетание. – Так что вы поговорите с... э... господином Преображенским. Кстати, через сорок восемь часов он получит сообщение об отмене доверенности, так что будьте готовы к любому повороту событий.

Тяжкий вздох был ему ответом.

– Я не смогу оплатить эти чеки... – И неожиданный быстрый молящий взгляд – Господин Нир! Вы мне так помогли! Придумайте, прошу вас, что можно сделать? – Она вся подалась вперед, умоляюще глядя в удлинённые карие глаза.

– Дуду, ты есть идешь? – Давешняя прехорошенькая девушка, вся переливаясь радужными улыбками, помадами, лаком, локонами и украшениями, заглянула за аквариумную перегородку.

Обед?! Ох! Неужели она сидит здесь уже столько времени?

– Приятного аппетита, лапонька! Я еще задержусь!

– Ну как хочешь! – Обиженно надутые прелестные губки, убийственный взгляд на молодую рыжую дамочку, вот уже час как вцепившуюся в миляшку Дуду. Вот зануда!

– Ой, простите, у вас перерыв...

– Ничего, ничего, – успокаивающий жест и озорная обезоруживающая улыбка, – в больнице вы очень торопились и мы тогда не успели поговорить, теперь договорим, если не возражаете!

Машка сконфузилась, вспомнив, как вылила на симпатичного парня ушат холодной воды. Он тогда явно хотел помочь, а она... Теперь она сама просит помощи, но что тут можно сделать?

Сама, дуреха, виновата!.. Да, виновата, но как расхлебать эту кашу? Как? С Андреем говорить бесполезно – последнее время он хамит и грубит при каждой попытке завязать разговор, дома почти не появляется, на звонки не отвечает. Совсем сбесился парень, словно подменили его. А какой ласковый и любящий был каких-нибудь полгода назад... или пять лет назад – когда только познакомились! А сейчас живут как кошка с собакой, она даже радовалась, что почти не встречаются дома. Скандалов меньше. Господи, до чего дошла! И вот награда за ее терпение и мягкость – украл чеки и «кинул» ее на двадцать восемь тысяч! Подонок! Надо срочно искать другую квартиру и бросить его к чертовой матери... Дура! Раззява! Все надеялась, что отношения исправятся, все тешила себя идиотской розовой мечтой! Теперь вот расхлебывай!

– Что делать с чеками? – пропел голодный консультант, возвращая Машку в реальную плачевную действительность. – Ну хорошо. Давайте смотреть правде в глаза. Слезы оставим

на потом. Смотрите, – ткнул он пальцем в монитор. – Тот чек на три тысячи пятьсот двадцать шекелей, который пришел первым, банк уже оплатил, тут ничего не поделаешь. Деньги обратно будете выцарапывать сами. Остальные два чека – на пять и пятнадцать тысяч с копейками. Эти чеки пока что не оплачены, они задержаны, потому что превышают ваш кредит. Превышают, верно? Прекрасно. Как бы их отменить? Мы это сделать не в праве – они на предъявителя. Предъявитель не должен страдать из-за того, что ваш приятель – прохвост. Согласитесь со мной!

Тихое поскуливание было ему ответом. Зеленые глаза покрылись жалобной собачьей слезой, а красные искусанные губы покраснели и набухли еще больше.

Тут уж акула капитализма не выдержала. Резко выпрямившись, консультант Нир встал и нервно зашагал куда-то в стеклянные банковские недра.

Машка чуть не взвыла в голос – от отчаяния, что единственный на свете человек, который может помочь, – сбежал. Ну чего она, дура, разнюнилась? Чего разревелась? Всегда держала себя в руках, а тут – на тебе! Почему? Потому что он показался добрым и ласковым, и симпатичным в придачу, а она – такая одинокая, обворованная, выкинутая на помойку, и даже поплакаться некому... У-у-у!..

Консультант вернулся с какой-то бумагой в руках, причем сразу было видно, что бумага – казенная, а потому несчастная неплательщица отшатнулась от нее, как от чумной. Может, это уже приговор? Ордер на арест?

Укоризненного взгляда прорицателя Машка не смогла вытерпеть и отвернулась в угол зеленоватого аквариума, как нашкодивший котенок.

Ну ясно. Это, конечно, договор на ссуду. Чтобы я еще залезла в долги, чтобы выплатить эти чеки. Он прав. Это единственный выход. Но, боже, выплачивать еще и ссуду!.. У-у-у!..

– Госпожа Ашкенази! – Голос был суров, взгляд печален. – Вас нужно повесить не только за невыплату долгов, но и за отвратительную память!

Несчастливая приговоренная затряслась, глядя на прокурора, как кролик на удава. Господи, что еще? Сейчас съест, и косточки не хрустнут! Наверное, при таком положении счета и ссуду не дадут, сразу – в тюрьму...

– Когда вы подписываете документы, надо же смотреть, что вы подписываете! И не только смотреть, но и запоминать! И не только запоминать, но и действовать в соответствии! – Голос нарастал, тьма сгущалась... – Ваша доверенность ограничена! Вы что, не помните это?

– Что? – Бедная Машка пискнула так, что не услышала сама себя.

Господин консультант потряс перед бледным конопатым носом казенной бумагой:

– Вот ваша доверенность! Вот черным по белому написано – до трех тысяч шекелей! До трех тысяч! Вы понимаете? Все чеки незаконны! Все чеки можно отменить и привлечь вашего дорогого господина Преображенского к суду за дачу недееспособных чеков!

– Что?!

– Что! Горе мое! – Давид радостно хрюкнул, белоснежная улыбка осветила его смуглое лицо от уха до уха и, как в зеркале, отразилась на Машкином лице.

Она тоже начала улыбаться – сначала робко, не веря своим ушам, потом все шире и шире. Радость захлестнула ее до такой степени, что ей захотелось броситься на шею этому незнакомому служащему и расцеловать его. Ура! Нет долговой ямы! Нет описи имущества! Нет ссуд и долгов! Ура!

– Так! – Довольный консультант плюхнулся в кресло и бодро застучал на компьютере. – Эти два чека мы аннулируем. Все. Этот, старый, на три тысячи триста пятьдесят шекелей я пересылаю в юридический отдел, и мы открываем иск по возмещению убытков за неправильно выплаченный чек. Ошибка банка плюс сумма небольшая, поэтому ответ и возврат денег придет довольно быстро... – Он еще что-то проверял, заставил Машку расписаться здесь и здесь,

печата, звонил и еще раз проверял, и, наконец, с довольным видом отвалился от монитора и поглядел на клиентку. – Все. Теперь вы чисты, как ангел небесный.

Ангел в золотом свечении пышных волос сидел, молитвенно сложив длинные худые руки, и смотрел на благодетеля с такой благодарностью в леденцовых глазах, что святой консультант застеснялся и засмеялся.

– Я вижу, что вы такая же голодная, как и я! – Натягивая свитер, он улыбался и прятал глаза, чтобы скрыть смущение. По правде сказать, он был очень доволен – не часто ты действительно можешь помочь людям. И таким чистым, наивным и симпатичным, как эта девушка. Немножко неопытным в банковских делах – но ведь это не смертельно, научиться. Особенно после такого хорошего урока. – Позвольте пригласить вас в столовую.

* * *

Через пару дней известный прорицатель, читающий будущее по руке, как по открытой книге, был приглашен на отделение интенсивной терапии. Не потому, что врачи-реаниматологи не могли возвращать к жизни тяжелых больных без консультации с этим знаменитым специалистом, и не потому, что они боялись давать наркоз без базисных знаний о продолжительности жизни пациента.

Нет! Просто вертлявая и легкомысленная санитарка этого отделения, крошка Лиор, решила выйти замуж... И она не знала, кого предпочесть: приятеля-одноклассника Рувена, с которым была знакома уже десять лет, борца-тяжеловеса Давида, с которым познакомилась в армии три года назад, или медбрата Алекса, с которым работала в отделении уже полгода. Другие претенденты были не в счет. Знаменитому пророку предстояло выбрать достойного жениха. Крайне ответственное и срочное дело.

Прославленный Мэтр, насвистывая и предвкушая приятное времяпрепровождение, шел по асфальтированным дорожкам больницы между идеально подстриженных газонов и любовался изящными длинношеими белыми цаплями, грациозно вышагивающими по зеленой траве и церемонно качающими маленькими головками. Они всегда зимой прилетали в Беер-Шеву из соседнего Египта. Давид любовался ими и вспоминал свое детство в Александрии, в дельте великого Нила; красных священных ибисов, разгуливающих между шуршащими высокими стеблями папируса; этих белых маленьких цапель с золотистыми хохолками и величественных розовоклювых пеликанов, парящих, как орлы, над широкой светлой поверхностью воды.

Множество народа сновало по асфальтированным нешироким дорожкам больницы, и Давид не сразу увидел впереди себя длинную, тощую как жердь фигуру, увенчанную копной медно-рыжих волос, сияющих, словно начищенная театральная корона. Фигура торопливо шла впереди, чуть спотыкаясь на растрескавшемся асфальте. Неровную походку объясняло наличие чудовищного чемодана на колесиках, который девушка волокла за длинную ручку. Громадный чемодан, набитый до отказа так, что красные матерчатые бока выпирали, как у беременной женщины, поминутно норовил съехать с дорожки, упасть на бок или зацепиться за проезжающую мимо тележку. Словом, он вел себя крайне непристойно, чем вызывал поминутные справедливые нарекания со стороны владелицы.

Давид удовлетворенно ухмыльнулся, прибавил шаг и, изловчившись, перехватил сзади длинный ремешок.

Строптивый чемодан, почувствовав смену руководства, немедленно встал на дыбы, и девушка возмущенно оглянулась, желая проучить непослушную собственность. Увидев чужую мужскую руку, цепко держащую чемодан, она опешила от изумления, но тут же пришла в себя и такхватила по непрошенной руке свободным концом ремешка, что на коже тут же вздулась широкая багровая полоса.

Вопль боли и изумления огласил идеально подстриженные газоны, и торжествующая воевельница догадалась наконец взглянуть, кого она едва не сделала инвалидом. Тут газоны огласил другой вопль – сожаления и сострадания. Строптивый чемодан был забыт, поверженному озорнику оказана самая теплая забота и самый детальный врачебный осмотр. Таким образом, мир был восстановлен, а недалёковидный прорицатель препровожден в ближайшее кафе для восстановления утраченного душевного равновесия.

– Я сам виноват, – в тысячный раз повторял незадачливый шутник, прижимая к вздувшемуся кровоточащему рубцу полотенце со льдом. – Ради бога, не беспокойтесь! Боль почти прошла!

Доктор Мириам, все еще пунцовая, пыталась напоить страдальца целебным чаем.

– Вот, я уже пью, я уже спокоен, у меня ничего не болит. Сядьте же и выпейте кофе вместе со мной, это успокоит меня лучше, чем ваш цветочный чай!.. Ну, вот так-то лучше! Я надеюсь, что вы не опоздаете на самолет, отпаивая меня чаем?

– Какой самолет?

– А зачем вам чемодан? Я думал, что вы с работы улетаете. Разве нет?

Маша горестно усмехнулась:

– Это частично верно. Я действительно вылетела. Но, слава богу, не с работы, а из дома.

– Из дома? Милосердный боже! Почему? Что случилось?

Машка посмотрела на собеседника укоризненным взглядом:

– Сам виноват... и еще спрашивает...

– Я?! Я виноват?! В чем?

– Кто мне сказал, что будут проблемы с домочадцами? Кто отменил доверенность? Кто перекрыл поток денежных средств из моего кармана прямехонько в Иерихонское казино? А? Отвечайте?

– К казино я не имею никакого отношения, – честно ответил прорицатель. – Ни сном, ни духом. А какое отношение оно имеет к вам? – Взгляд стал суровым, и Машка обнаружила перед собой давешнего прокурора. – Расскажите-ка подробнее.

– А! – Она махнула длинной рукой, и Давид с беспокойством обнаружил на белой коже длинные глубокие порезы. Как от бритвы. Свежие. – Это я так шучу. Лучше чем плакать, правда?

Собеседник хмуро молчал, ожидая продолжения и исподволь изучая рубцы.

– Ну, в общем, оказалось, что этот мой друг – бывший друг, обратите внимание! – пристрастился к игре в рулетку. Ездил каждую пятницу в Иерихонское казино – знаете, из Тель-Авива есть бесплатный автобус, – и там играл всю ночь напролет, а мне врал, что гуляет с ребятами в барах. Профукал все свои деньги, стал у меня таскать – вы знаете. Вчера он получил сообщение, что и доверенность перекрыли, и чеки вернулись без покрытия. Ему из казино позвонили, говорят, гони монету. А где ее взять? Ну, в общем, поговорили мы с ним... – Маша вздохнула, задумчиво посмотрела на чемодан, немое доказательство непрочности дружеских связей, и сглотнула невольно набежавшие слезы. – Я сказала, чтобы он убирался из квартиры. Он ни в какую – некуда и денег нет... Ну... я собрала свои вещи, кстати, многих недосчиталась, и сейчас везу их к маме.

– И жить у мамы будете?

– Нет. У мамы жить нельзя – опасно.

– Опасно?

– Да. Сегодня к Андрею приходили гориллы из казино, пытались вытрясти из него деньги. – Машка печально усмехнулась, не поднимая глаза на напрягшегося, подавшегося вперед собеседника. – А он пытался вытрясти их из меня. Так что я сейчас немного поживу на работе, пока не сниму квартиру. А что? Кабинет у меня есть, там кушетка. Туалет и душ – в

отделении. Постельное белье я приволокла, подушку и одеяло в отделении возьму. Так что со всеми удобствами!

– Прекрасно! Вы замечательно все продумали! – мрачно подытожил прокурор. – А почему все-таки не у мамы?

– Потому что не хочу рисковать. Как и друзьями. Андрей их всех знает, я не хочу, чтобы он с этими придурками из казино к ним ввалился. А в больнице – охранник, да и слишком много народу, чтобы бузить. Собственно, простите, но я вас хлестнула так, потому что подумала, что это – они...

– Скажите, это, – кивок на глубокие порезы, – результат «бузы»?

– Что? Где? А, это! – Маша рассмеялась. Грустно, негромко. – Нет, это не результат насилия в семье! То есть насилия, но не в семье... – Она улыбнулась, глядя на напряженное, насупившееся смуглое лицо. – Это мой кот. Я договорилась с подругой, что кот пока поживет у нее, от греха подальше. Я запихивала его в хозяйственную сумку, чтобы отвезти к подруге, а кот не хотел. Сопровитлялся... Он хороший, он не со зла. Просто испугался. Представьте, что вас ни с того, ни с сего будут запихивать в большую сумку...

– Я этого точно не перенесу. – Давид был полностью солидарен с котом. – Так что, вы сейчас – бездомная?

– Ну, если честно, да! – Машка пнула беременный чемодан. – И бездомная, и безмужняя, и безкошатная! Как это здорово!

Давид мгновение серьезно смотрел, как веселится сидящая напротив рыжеволосая девушка. Молодец! Не вешает носа, хотя срочно подыскать жилье – не простая задача. И под удар никого не ставит – понимает, что вышибалы из казино в придачу с осатаневшим игроком, которому не дают играть, – не шутка. Но нервы – на пределе, если она так отреагировала на чемодан. Наверное, и не спала... Бедняжка!..

– Вы позволите пригласить вас ко мне домой? У меня свободная комната, мой компаньон уехал на полгода в Америку. Покой и безопасность я вам гарантирую.

– Что?!

– Я предлагаю вам комнату в моей квартире. – Консультант проговорил все слова медленно и четко, так, как говорил с клиентом. – Вы будете жить в отдельной комнате. Сколько хотите. И вы, и кот. Согласны?

– Но... это вас стеснит...

– Ничуть. Я снимаю трехкомнатную квартиру. Одна комната моя, другая – компаньона, а в третьей хозяин запер свое богатство. Все вещи моего компаньона я перетащу в эту третью комнату, так что условия у вас будут весьма приемлемые. Вы будете платить за воду, электричество и газ по счетчику, как платил мой товарищ, а квартирную плату он заплатил вперед на полгода, так что на этом вы сэкономите. Потом с ним рассчитаетесь. Согласны?

Машка секунду смотрела прямо в глаза полужнакомому молодому человеку. Что она знала о нем? Практически ничего. И ему она тоже была незнакома, если не считать того, что он вычитал по ее руке и по банковскому счету. И сейчас он второй раз выводит ее из весьма щекотливого положения, прямо скажем, – спасает ее. Он что – Дон Кихот? Всемогущий Гарун аль-Рашид? Или – Синяя Борода с тайной комнатой? Правда, на сексуального маньяка он не похож, хоть и явный Казанова... И он не боится, что ополоумевший Андрей с гориллами высчитает ее?

– А вы не бойтесь, что я на хвосте приведу к вам банду из казино? Ведь они могут проследить мой путь из больницы домой.

Давид широко улыбнулся, знакомым жестом откинулся в пластиковом кофейном кресле и снисходительно посмотрел на нее – так смотрит старший брат на маленькую девочку:

– Я никогда ничего не боюсь. Не бойтесь и вы. Ну рассудите сами! Подумайте – зачем им вас искать? Наличных денег у вас не отнять – их вы с собой не носите, счет перекрыт, живете

вы отдельно, и не только отдельно, а с мужчиной, который может вас защитить. – Он озорно поиграл бицепсами, рельефно выступающими сквозь тонкую рубашку. – Ну что, вы согласны?

– А... кот? Вы правда возьмете меня с котом?

– Да. У меня, правда, никогда не было кота, но, я думаю, мы поладим. Поладим же мы с вами!

– Поладим, – очень серьезно ответила бездомная доктор.

– Тогда пошли! Нечего тут расслаживаться! Ведь еще надо переселять кота!

И они оба впряглись в громадный чемодан и поволокли его, упирающегося, к автомобильной стоянке – ехать на новую квартиру.

* * *

Жизнь чудесно изменилась. Для обоих.

В первое же утро Машку разбудил упоительный запах из кухни. Пахло чем-то незнакомым, но обалденно вкусным – так, что бездомная голодная доктор, едва продрав глаза, тут же накинула халатик, сделала вид, что идет в ванную, а на самом деле заглянула на кухню – там сосед-спаситель, напевая, колдовал над сковородкой.

Увидев рыжую всклокоченную голову и опухшие от сна глаза, шеф-повар сделал широкий приглашающий жест со скворчащей сковородкой в руке и громогласно объявил:

– Омлет по-александрійски и египетский «фулль»! Только у нас! Ресторан «Нир»! Милости прошу!

Тигриный с подпалинами жирный кот уже терся выгнутой спинкой о синие вытертые джинсы, обвивался длинным пушистым хвостом, жалобно мяукая так, что сердце разрывалось от жалости к несчастной киске, погибающей от голода. Шеф-повар не отпихнул нахального обжору, не дал под толстый рыжий зад, а вежливо и обстоятельно выговаривал ему, как клиенту в банке:

– У тебя есть еда. Иди к своей миске и ешь, сколько хочешь. Вон, у холодильника! Забыл? Там полно твоей кошачьей еды! Когда мы позавтракаем, и, если тебе позволит хозяйка, то я, уж так и быть, дам тебе немного омлета. Немного! Не мечтай, что получишь все! Ты понял меня?

Кот понял. Он отошел и сел рядом с кухонным столом, как часовой на посту, не отрывая взгляда от восхитительно пахнущей сковородки.

Свеженькая и бодренькая Маша выпорхнула из ванной, блестя промытыми леденцовыми глазами и медными кудрями, и тут же была вознаграждена горой вкуснейшей еды, наваленной на широкую тарелку. Ее слабое сопротивление «Ой, я не завтракаю, ой, мне только чай» мгновенно было пресечено в корне.

Поели дружно и быстро, скормили несчастному, умирающему от голода зверю остатки омлета, потом Машка быстренько прибрала в кухне – «Я готовлю, а ты моешь посуду! Хорошо?», и дружно выкатились на стоянку – в больницу и банк было по пути. Просто идеальная семья!

Вечером Давид вернулся домой совершенно измочаленный: за день клиенты успевали сделать свое черное дело и выпотрошить клерка до конца, до самых кишок. Ввалился и сразу же пошел в ванную – отмыться от дневной грязи. Подозрительные, заискивающие, угрожающие, обманчивые, льстивые, липкие взгляды клиентов и клиенток он ощущал кожей, как налипшую грязь, и смыть с себя, содрать эту присохшую корку было единственным желанием выдохшегося человека.

Вот тебе и «белый воротничок»! Он содрал с себя рабочую рубашку, пропитанную трудовым потом, и с ненавистью кинул ее в корзину с грязным бельем, стоявшую в ванной. Кинул и удивился – рубашка плавно спланировала на самое дно. Странно! Он хорошо помнил, что утром корзина была забита по самые края – он ненавидел стирать даже в суперсовременной

стиральной машине, купленной за бешеные деньги специально для того, чтобы избавиться от ненавистного процесса. Удивившись, он забрался под хлещущий поток и весь отдался упоительному чувству омоложения, воспарения, нирваны, отдохновению души. Долго стоял под льющимися прохладными струями, уже отдыхая, возрождаясь душевно и физически для продолжения дня, а точнее – вечера, потому что уже смеркалось, когда он кончил работать.

Вылез из ванны, отряхиваясь, как пес после дождя, и привычно протянул руку к банному полотенцу, закинутаю на полку над зеркалом. Банное полотенце было здесь, но не мокрое, скомканное и вонючее, брошенное после утреннего душа, а чистое и свежее, пахнущее солнцем и свежим ветром! Вот это да! Рука потянулась к полке и наткнулась на стопку чистых маек и трусов, ожидающих его после мытья. Ого! Вот это здорово! Как удобно! Почему он раньше не догадался, что можно заранее приготовить чистое белье, а не шастать по квартире, завернувшись в мокрое полотенце?

Переодевшись и предвкушая другие приятные неожиданности, Давид выглянул из ванной и огляделся. Тихо было в квартире. Тихо, пусто и чисто. За окном на веревке развевалось выстиранное белье, грязная посуда на кухне испарилась в неизвестном направлении, и единственной живой душой, встретившей его, был жирный кот, кое-как угнездившийся на узком подоконнике и с интересом наблюдающий за голубями, ворковавшими на противоположной крыше.

При виде владельца квартиры кот грузно спрыгнул с окна, подошел и боднул хозяина лобастой башкой в ногу. В виде приветствия, надо полагать. Давид погладил кота, включил чайник и пошел к себе в комнату – полежать, растянуть спину после тяжелого дня. Кот, задрав трубой пушистый хвост, последовал за ним, вежливо помедлил на пороге – можно ли зайти? – потом прошел, с ленцой прыгнул на диван, пристроился под бочок к новоприобретенному хозяину и мирно замурлыкал.

Давид погладил шелковую шубку, пригрелся о мохнатый бок, расслабился и задремал под тихое мурлыканье кошачьей шарманки. Такими и нашла их Машка, возвратившаяся из магазина, – спящими, расслабившимися и очень довольными друг другом.

Маша заглянула в приоткрытую дверь чужой комнаты для того, чтобы выманить дурака-кота, по недосмотру попавшего на чужую территорию. Заглянула и убедилась, что кот вовсе не считает эту комнату чужой – напротив, очень даже своей, судя по тому, как рыжая туша развалилась на диване. Рядом мирно посапывал хозяин комнаты, видимо, согласный с новым квартирантом. Судя по всему, общий язык они нашли.

Вот здорово! И когда же они успели так подружиться? «Поладим!» – видно, Давид действительно обладал пророческим даром.

Найдя кота в добром здравии и благополучии, Маша бросила невольный взгляд на его соседа и неожиданно для себя залюбовалась красотой отдыхающего мужского тела. Белизна простыни подчеркивала смуглый силуэт, мужественные, классические пропорции тела. Запрокинутая на высокой подушке небольшая голова с античным профилем, мощная шея борца, широкие, подчеркнутые облегающей майкой мускулистые плечи, широкий торс с рельефными мышцами, свободно раскинутые стройные ноги. Впалый живот ритмично вздымался при дыхании, длинные сильные руки раскинуты по дивану – одна обнимает подушку, другая – храпящего кота.

Машка была врачом, она привыкла смотреть на обнаженное человеческое тело, выискивая в нем изъяны, порожденные недугом, или симптомы, указывающие на болезнь. Она без стеснения рассматривала спящее мужское тело и удивлялась, насколько такое, расслабленное, оно красивее, чем навязшие на зубах образы накаченных агрессивных суперменов, вечно куда-то мчащихся, прыгающих, летящих, пробивающих, но ни в коем случае – не отдыхающих. Спали почему-то всегда принцессы, и именно таких, спящих, их рассматривали, описывали и любовались их красотой. Наверное, красота расслабленного тела совсем другая, чем бодрству-

ющего... Задумавшись над этим философским вопросом, Машка не заметила, как ее взгляд сам собой остановился на некоей точке, находящейся между свободно раскинутыми ногами, и отметил, что точка эта – совсем не точка, а довольно внушительный холм, и что он стал нервно подрагивать под ее пристальным взглядом. Ой! Извините! И тихо, как мышь, соседка уползла в свою комнату.

* * *

Они жили, как пара состарившихся супругов, – каждый в своей комнате, не мешая друг другу, но составляя единое целое. Для каждого существовал круг забот и обязанностей, дополняющий и облегчающий взаимное существование, как в сыгравшейся спортивной команде. Давид великолепно готовил, он говорил, что все мужчины-египтяне – прирожденные повара, и с этим трудно было не согласиться, познакомившись с его кухней. Он же следил за всей квартирной бухгалтерией, скрупулезно проверял счета и платил по ним. Машка стирала и мыла посуду, убирала в доме, бегала за продуктами и для себя, и для соседа, причем сосед с маниакальным упрямством возвращал ей деньги за «свои» продукты, хотя ели они из одной кастрюли и одного холодильника. Кот был общий, и он бессовестно пользовался тем, что один хозяин не знал, покормил ли его другой.

Квартирная соседка чрезвычайно нравилась Давиду. Она была не первой в длинной череде подружек тридцатилетнего мужчины, которые претендовали на совместное с ним проживание, но никогда не добивались успеха, потому что жить с кем-нибудь постоянно было для Давида психологически невозможно. Развод родителей оказался слишком тяжелой травмой для шестнадцатилетнего подростка, убившей в нем уверенность в благополучной семейной жизни. В этом же случае было не так, как всегда, и он часто размышлял об этом. Что отличало Машу от других знакомых ему женщин? Во-первых, она взяла на себя то, что он до смерти не любил делать, и это было великолепно. Во-вторых, она часто сутками дежурила, то есть ее присутствие в квартире почти не ощущалось. В-третьих, в ночи, когда она дежурила (а расписание всегда висело на холодильнике), он мог безбоязненно приводить подружек, и только кот был немым свидетелем потрясающих оргий. Но кот был кастрирован, а потому снисходительно смотрел на низменные шалости озорного владельца квартиры и не ябедничал.

Правда, последнее время жизнь перестала быть легкой и приятной, и виной этому были сны, приходившие в кудрявую голову нашего Казановы помимо его воли. Ему снилась соседка. Ее высокое, прямое как палка тело, с прямыми и широкими, как вешалка для одежды, плечами. С небольшими, остренькими и крепенькими, как незрелые лимончики, грудями, казалось, прокалывающими все лифчики и кофточки, которые она носила. Ему снилась ее костлявая, почти прямая, без талии, фигура, плоская спина без ягодиц, переходящая в длинные, худые ноги, между которыми всегда оставалась манящая щель, даже когда она стояла, плотно сдвинув ноги. Ее фигура всегда напоминала ему родные древнеегипетские фрески – тонкие, вытянутые ввысь грациозные абрисы, легкие и воздушные, укутанные в полупрозрачные, не скрывающие тела, ткани. Во сне она наклонялась над ним, как божественная Изида, и тонкие призрачные руки обнимали его, а золотые кудри щекотали кожу на груди и животе, и он просыпался, дрожа от возбуждения, и шел в холодный душ, чтобы утихомирить внезапно восставшего зверя. И все труднее было приводить беззаботных девушек, и все труднее было проводить одинокие вечера ее бесконечных ночных дежурств...

А без дежурств было еще тяжелее! Невозможно так просто вечером встать с дивана, равнодушно сказать «Спокойной ночи!» и удалиться в свою комнату, отлично представляя, как она прошла в свою и там раздевается, снимая с себя поочередно узкие джинсы и просторную домашнюю кофту, оставаясь лишь в кружевных трусиках и крохотном лифчике – он часто видел их на веревке за окном. А потом она снимала эти, ничего не прикрывающие тряпочки,

одну за другой, и оставалась без них – какой?.. И он ворочался всю ночь, а когда засыпал, она приходила к нему во сне – желанная, щекочущая и недоступная, как богиня Изиды. И тогда он просыпался, уверенный, что она тоже не спит и ждет его, ворочается на своей девичьей узкой кровати так близко – за стенкой, откидывает душашее одеяло, чтобы остудить пылающее тело, переворачивается на живот, чтобы прижать к прохладной простыне набухшие, разрывающие кожу маленькие грудки. А утром все было как обычно: «Привет, как дела?».

Не нужно предсказывать будущее и быть опытным Казановой, чтобы понимать, что такое положение вещей долго продолжаться не может. Давид с замиранием ждал решающего часа, когда прогремит Большой взрыв, и не знал, что он принесет – мгновенное разбегание галактик или построение новой вселенной в отдельно взятой квартире.

Его родители развелись, и он ушел из дома потому, что не в силах был наблюдать, как рушится домашний очаг, который он так любил и в котором так нуждался. И он возненавидел семейные отношения, где под маской любви и заботы прячутся обман и предательство. Повзрослев, он понял, что это не так, не всегда так, но детский страх вновь оказаться над коварной пропастью лжи сковывал его, и он не мог заставить себя пойти по пути, ведущему к семейному гнездышку. Не мог, хотя страстно мечтал об этом. И где-то в глубине души теплилась мысль, что милосердная судьба сама поможет ему.

Однажды он заскочил домой в обеденный перерыв потому, что был уверен, – она там, дома. Почему-то очень захотелось посмотреть на нее перед тем, как она уйдет на свое бесконечно длинное дежурство – просто посмотреть, пообедать вдвоем – и ничего более, потому что ничего более не существовало и не могло произойти.

Он открыл входную дверь и сразу же почувствовал сильный порыв ветра – это значило, что громадное, в полстены окно на кухне открыто, и Маша вешает постиранное белье на веревки, специально натянутые за окном. Так оно и было – заглянув в кухню, Давид увидел длинные белые ноги и небольшую попку, а самого тела до половины не было видно – оно перевешивалось наружу, к веревкам. Давид секунду смотрел на короткий ситцевый халатик, задравшийся от порыва ветра и открывающий белый треугольник полупрозрачных трусиков, и боролся со страстным желанием тут же подойти и воткнуться в темную щель, внезапно обнажившуюся за белоснежными кружевами. В глазах его потемнело, в голове бухал молот, и тяжелая темная страсть поднималась из самых недр его существа, затопляя разум. Еще секунда – и ему не справиться с собой, и мир рухнет, и рухнет навсегда, потому что ему ни за что не восстановить его.

Он и рухнул... Длинная белая нога внезапно описала смертельную дугу, и истошный крик застыл в воздухе, и розовая попка стала стремительно переливаться через окно туда, наружу, в ослепительно сияющий голубой квадрат неба. Давид, ничего не соображая от ужаса, каким-то одним длинным прыжком бросился на ускользящее в пространство тело, навалился всей массой на верткую, скользкую спину и зажал своими каменными ногами ее ноги – уже висевшие в воздухе. Плохо понимая, что делает, он обхватил сзади тонкое длинное тело и рванул на себя – обратно в кухню, выдирая его из небесной голубизны. Тело с хрустом повалилось на него, и тут же из сведенных судорогой рук выдрался рыжий пушистый комок и с отчаянным мявом исчез в коридоре, расцарапывая по дороге опрокинутые тела, барахтающиеся на полу. Они извивались, борясь друг с другом на скользких блестящих плитках пола, пока мир не восстановился и они не обнаружили себя в совершенно неожиданной позе – она лежала на спине, а сверху навалился Давид, обнимая и в беспамятстве целуя спасенное, такое дорогое ему лицо.

Она увидела карие глаза, показавшиеся ей огненными, обнажившиеся в хищном оскале сахарные зубы, услышала хриплое неровное дыхание обезумевшего от страсти мужчины, и поняла, что спасена. Счастье горячей волной затопило разум, а тело вдруг напряглось, почувствовав на себе долгожданную тяжесть.

В ту же секунду мир померк в зеленых леденцовых глазах, и она, страстно прижав к себе неожиданного спасителя, отдалась ему с таким пылом, какой трудно было предположить от только что спасенной девушки. Непонятно, каким образом его ноги оказались между ее согнутыми коленями, а руки – под ее спиной, и она автоматически выгнулась дугой, потому что невозможно было лежать на его жестких, вонзающихся в спину кулаках. В то же мгновение он ощутил крепкие лимончики-груды, прижавшиеся к нему с такой силой, что, казалось, они искрошат ему ребра. Из-за этого стало трудно дышать, и, выпростав руки из-под извивающейся спины, он схватил эти твердые грудки, уместившиеся под ладонью и затрепетавшие, как крохотные живые существа. Он погладил их, стараясь успокоить, но эффект превзошел все ожидания – белые руки с хрустом сорвали плотный лифчик, и острые холмики ослепили глаза сияющей, ангельской белизной. В ту же минуту кто-то, извиваясь всем телом, сумел растегнуть молнию на джинсах и выпустил на свободу его мощный фаллос. Тот встал, как джинн из бутылки, – грозный и готовый к действию, и тут же провалился в глубокий туннель, стремительно затягивающий его, как в черную дыру, в самые недра мироздания. Мир развалился на части, исчез, потонул в волнах наслаждения и безумия.

Большой взрыв свершился. Старого мира больше не существовало.

Когда они оба пришли в себя, он подхватил на руки и перенес на кровать ее расслабленное, обвисшее как тряпка тело. Осторожно положил на мягкие подушки и опять – в который раз! – залюбовался потрясающими изгибами точеного тела, самого красивого тела в мире! Не удержался и, низко наклонившись, стал целовать ложбинку между грудями... и мягкую ямочку между острыми ключицами... и пульсирующую жилку на длинной шее... Он наклонялся все ниже и ниже, пока рот не слился с ее ртом – неожиданно хищным и жадным. В ту же минуту длинные голые ноги, безвольно лежавшие где-то далеко, изловчились и одним ловким движением обняли его, обхватили поперек спины, прижали к обнажившемуся вождленному пространству, и все началось сначала...

И не было этому конца...

В перерывах между бурными ласками она успела позвонить в больницу и сказать, что не придет на дежурство – совершенно не в состоянии встать на ноги. Истинная правда.

В ту же минуту Давид по мобильному телефону объяснял начальнице, как у него болит голова – ну прямо-таки отваливается, – и отчаянно отбивал энергичные попытки молодой дамы срочно навестить его, чтобы помочь страдальцу.

Выполнив таким образом свой долг по отношению к внешнему миру, влюбленная парочка занялась миром внутренним – а именно, поисками еще не исследованных уголков разгоряченных и ненасытных тел друг друга.

К вечеру проголодались и обессилили. Героический Давид, перевязав передником утомленные чресла, быстренько сварганил что-то особо калорийное, призванное поддержать душевные и физические силы изможденных организмов.

Маша, накинув изумрудный халатик, который так шел к ее медным кудрям, сидела на кухонной табуретке, наблюдала процесс приготовления пищи и рассказывала:

– Я открыла окно, чтобы вешать белье. А потом пошла в ванную, чтобы взять тазик с постиранным бельем. Вдруг слышу – кошачий вой и какой-то шум. Непонятный. Я выскочила из ванной, бегу в кухню. Там – пусто. Только из-за окна доносятся какие-то необъяснимые звуки. Я выглянула в окно и вижу – о, ужас! Этот негодяй кот выпрыгнул в окно и застрял своей толстой тушей на веревках. Как в гамаке. Раскачивается и орет благим матом от страха. Я испугалась, что он сорвется и полетит вниз, перегнулась через окно, чтобы схватить его, а этот идиот, еще больше перепугавшись, полез по веревкам в дальний угол. Ползет и шипит на меня, как змея! Пугает! Меня! Ну я еще больше высунулась, чтобы поймать мерзавца, уже ухватила его поперек живота, но тут нога поскользнулась на плитках, а он тяжелый, зараза...

– Все! Больше белье вешать не будешь! – решительно сказал супруг, вываливая на тарелку громадный кусок шипящего мяса в грибном имбирном соусе. – Завтра же покупаем сушильную машину, а к окну ты больше не подходишь! – это уже было сказано коту, который с невинным видом крутился между ногами. – Зачем ты, разбойник, выпрыгнул в окно?

Кот проигнорировал вопрос и ясно дал понять, что, мол, еще в детских книжках написано: «Сначала накорми, а потом спрашивай!»

– За голубями охотился, – прокурорским тоном произнесла суровая хозяйка. – Тоже мне, спайдермен! Обжора!

Кот понял, что сегодня, пожалуй, с этими двумя каша не сварить, и, обиженно подрагивая пыльным хвостом, удалился к своей площадке с едой. Что ж, иногда не грех и попоститься. Не все же, в самом деле, коту масленица! Тем более что грибной соус он не особенно любил.

Глава 2. Сказка вторая. О том, как красивейший и блистательный Омар Шериф был пленен бедуинской девушкой

Первый раз она увидела его по телевизору – у тетки Фатимы. Старшая сестра отца была богатая и ученая, работала в больнице медсестрой, у нее в комнате был собственный телевизор с кабельным телевидением, и ее добрый муж позволял ей смотреть все, что она хочет! Неслыханное дело! Телевизор на женской половине! Ни у кого этого не было!

Поэтому маленькая Хосния любила бегать к тете в гости. Мать знала о недопустимой вольности поведения золовки, но молчала перед отцом, а отец возмутительно баловал единственную дочь и смотрел сквозь пальцы на то, что девочке позволяют вести себя, как сыну, – то есть делать то, что хочет. В рамках законов шариата, разумеется. Телевизор в комнате у тетки, конечно, выходил за рамки шариата, но тетка была самоуверенная до крайности, энергичная и лучше всех знала, что можно, а что нельзя... Короче, любимая племянница видела даже американские ковбойские фильмы...

Она запомнила его имя – Омар Шериф и грезила им наяву так, что тетке пришлось подробно растолковать отцу, что этот голливудский актер – правоверный египетский араб, и поэтому его можно смотреть. Он был такой красивый, что холодило в животе, особенно, когда он, прищурив агатовые глаза под черными разлетающимися бровями, смотрел прямо на тебя – ах, вот так! – и чуть-чуть насмешливо улыбался, блестя сахарными зубами под черной щеточкой усов. Ах! Он был красивее, чем все пацаны в Рахате, в том числе и все ее братья, хоть и они и были самыми классными парнями в округе, и все девчонки из класса завидовали ей, когда один из братьев провожал ее до школы и обратно.

Она выросла такой, какой ее растил отец, – упрямой и своенравной, и заявила, что хочет учиться в университете, как тетя Фатима. Тут уж мать не выдержала и восстала против вопиющей дерзости и грубейшего нарушения законов Аллаха, но и тут отец пошел на поводу у обнаглевшей дочери. Мать прямо заявила, что это – вопиющий грех, и что в наказание своевольная дочь никогда не выйдет замуж и останется презренной старой девой, ибо ни один здравомыслящий мужчина не женится на девушке, побывавшей в греховном университете. Но отец стукнул посохом, и мать замолчала, а дочка стала студенткой. Конечно, она соблюдала все законы скромного поведения, и братья по-прежнему провожали ее из Рахата до Беер-Шевы и обратно, но сам факт, что дочка была образованнее, чем мать, унижало мать. Девушке – учиться?! После школы? Где это видано?! Зачем?! И вообще, само пребывание в еврейском университете арабской девушки не могло кончиться ничем, кроме греха. Мать была убеждена в этом. Точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.